

После ужина Янь-ван снова потащил его прогуляться, и лишь когда уже совсем стемнело, они на машине отправились в семейное общежитие красильно-набивной фабрики.

Янь-ван сказал:

— У меня есть два варианта. Остаться или нет, считать ли тебя роднёй — пусть решают они сами.

— Я вмешиваться не стану, — взглянул он на Ши Сяо, и во взгляде мелькнуло предостережение. — И ты тоже не смей!

Ши Сяо вздохнул:

— Хорошо.

Он подумал, не знает, что ещё задумал Янь-ван, но понимал, что всё, что тот делает, — для его же блага, поэтому покорно согласился.

Дверь была неплотно прикрыта, и издали доносились звуки битья посуды и приглушённая перебранка.

Ши Сяо ускорил шаг, распахнул дверь и увидел, как дядя с тётей, вцепившись друг другу в волосы и одежду, катаются по полу в драке. Оба были в синяках, вокруг валялись опрокинутые столы, стулья, осколки фарфора и стекла — куда ни глянь, кругом хаос.

Услышав шум, оба разом замерли.

Увидев его, тётя мгновенно отпустила мужа, с яростью схватила метлу и бросилась на него:

— Убью тебя, предатель, свою же кровь продал!

Она сделала всего пару шагов, как будто наткнулась на невидимую стену, а затем её отбросило назад. С глухим стуком она шлёпнулась на пол, усеянный осколками, и взвыла, словно петух с перерезанным горлом.

Ши Сяо нахмурился, хотел было помочь ей подняться, но Янь-ван удержал его:

— Она первая полезла.

Голос Янь-вана был, как всегда, ровным и бесстрастным, но почему-то Ши Сяо уловил в нём оттенок: «Она первая начала, ты не можешь меня винить». В голосе слышался лёгкий, едва уловимый носовой отзвук, будто тот был обижен.

Ши Сяо: «...»

Дядя поспешил помочь тёте подняться. Та поохала и заплакала:

— Ах ты, паршивец, с чужаками против своих родных... Совести у тебя нет! У-у-у! Так с дядей и тётей обращаться — да ты наказания небесного на себя накличешь!

Янь-ван нахмурился, достал из-за пазухи бумагу и помахал ею перед их носом:

— Осталось два дня и семь часов. Советую побыстрее собрать вещи и найти жильё, а то останетесь на улице.

— Ты! — Тётя в ярости плюхнулась на пол. — Я никуда не уйду, что ты сделаешь? Убей меня, коли сможешь!

Янь-ван тихонько усмехнулся. Ши Сяо от страха чуть не умер на месте и поспешно ухватился за его рукав.

Тот успокаивающе похлопал его по руке:

— Не хотите уходить? Что ж, тогда давайте посчитаем. — Он достал телефон, быстро набрал на калькуляторе несколько цифр. — Вы прожили в доме родителей Ши Сяо семнадцать лет. По средним ценам за эти годы, даже если считать по триста в месяц, выходит три тысячи шестьсот в год, за семнадцать лет — шестьдесят одна тысяча двести. Аренду ресторана считаем по двести в месяц, две тысячи четыреста в год, итого сорок тысяч восемьсот. Плюс предыдущие шестьдесят одна тысяча двести — всего сто две тысячи. Родители Ши Сяо каждый месяц переводили в среднем по три тысячи на жизнь. Даже если считать, что половина предназначалась вам, вы удерживали как минимум тысячу. Получается двенадцать тысяч в год. Ши Сяо съехал двенадцать лет назад — выходит сто сорок четыре тысячи. Итого за эти годы вы должны семье Ши Сяо двести сорок шесть тысяч.

— Учитывая родственные связи, проценты начислять не стану.

— Вы уже «вернули» двести тысяч, значит, осталось сорок шесть.

— Верните эти сорок шесть, платите по пятьсот в месяц за аренду — и можете оставаться. Ши Сяо по-прежнему будет считать вас роднёй, навещать по праздникам, помогать в трудную минуту. Если разбогатеет — вас не забудет.

— Тьфу! — Тётя плюнула. — Он-то? Школу еле одолел, ни ума, ни сноровки, ветром сдувает, и трёх слов связать не может, четыре года мыкается статистом... Если он разбогатеет, я... я ремнём на пороге удавлюсь!

— Умереть хочешь? — Глаза Янь-вана, чёрные как ночь и бездонные как преисподняя, мгновенно покрылись ледяной изморозью. — Что ж, это нетрудно.

Температура в комнате вдруг упала градуса на четыре-пять. Тётя, закатывавшая истерику, необъяснимо вздрогнула от холода и разом притихла.

Ши Сяо, поглядывая на выражение лица Янь-вана, в трепете потянул его за рукав. Но Янь-ван, наоборот, поймал его ладонь и прохладными кончиками пальцев слегка пощекотал ему середину ладони.

Ши Сяо удивлённо поднял голову, взглянул на Янь-вана. Тот по-прежнему сохранял бесстрастное выражение лица, от него веяло холодом. Если бы не то, как дёрнулись его ресницы, когда Ши Сяо на него посмотрел, тот бы решил, что ему показалось.

Ши Сяо: «...»

Янь-ван, словно ничего не произошло, с тем же бесстрастным лицом произнёс ровным голосом:

— Если не хотите возвращать сорок шесть, тогда извинитесь перед Ши Сяо. Ши Сяо очень дорожит родственными чувствами. Если вы будете искренни, он вас обязательно простит и будет относиться к вам как прежде... Верно, Ши Сяо?

Ши Сяо кивнул.

Тётя плюнула:

— Я перед ним извиняться буду? Тьфу! Не боишься, его век укоротится?

— Этого как раз не стоит бояться, — Янь-ван взглянул на зайчишку. — Я никому не укорачиваю жизнь, а уж ему-то и давно.

Ши Сяо: «...»

Дядя с тётей подумали: этот тип, поди, только деньгами и богат, возомнил себя что ли Янь-ваном?

— Если не хотите извиняться, есть второй вариант, — сказал Янь-ван. — Я дам вам пятьсот тысяч. Берите деньги и проваливайте. Только одно условие — разрываете все родственные связи с Ши Сяо и его семьёй. Отныне ни радости, ни горе, ни бедность, ни богатство вас больше не связывают.

— Пятьсот тысяч? — Глаза тёти блеснули, но она тут же ехидно усмехнулась. — Думаешь, мы ещё поверим твоим побасёнкам?

— Верите — не верите, как хотите, — равнодушно проговорил Янь-ван. — И не думайте, что вашими истериками и упрямством вы мне что-то докажете. Если бы не Ши Сяо, я бы уже сегодня вечером вышвырнул всех троих на улицу.

— Ты...

— Слышал, у вас есть сын. Работает на автомойке «Фуцюань» в районе Гаокай, единственная надежда вашего рода Лао Ши? — Янь-ван криво усмехнулся, словно красивый маньяк-убийца. — Как говорится, долги отца платит сын. Если будете упорствовать в своих выходках, я не погнушаюсь нанять местных отморозков, чтобы они размозжили ему яйца. Как думаете, если у сына яйца в лепёшку, внуков дождёте?

Лица дяди и тёти побелели:

— Ты...

— Умные люди выберут один из двух вариантов, — бесстрастно заключил Янь-ван. — Родственные чувства или деньги? Даю вам день на раздумье...

Тётя выпалила:

— Конечно, деньги!

Дядя попытался было её остановить, но та злобно сверкнула на него глазами:

— А куда подевались те двести тысяч, что мы перевели? Твой брат, не иначе, подстроил! Дом-то уже продали нам, договорились, а потом взяли да и передумали... Наверное, самим стыдно было прийти, вот и подослали этого паршивца. На такой брат да сноха и не нужны! Ты ж не забыл, наш Чжуанчжуан скоро женится, на дом, на машину деньги нужны... Твой брат даст нам пятьсот тысяч?

Дядя опустил голову и не проронил ни слова.

Ши Сяо тоже молча потупился.

Он не был дураком и с детства знал, что тётя к нему не расположена, и не питал особых надежд на родственные чувства.

В конце концов, он был приёмным, кровного родства не было.

Но его приёмные родители и дядя с тётёй были кровными родственниками. Как его родители относились к дяде и тёте все эти годы, он видел собственными глазами. Услышав, как тётя поносит его родителей за спиной и, не колеблясь ни секунды, выбирает деньги вместо родственных уз, ему стало очень горько.

Горько за родителей. И жаль, что они так и не дождались благодарности.

И в этот момент он почувствовал, как чьи-то ледяные пальцы осторожно взяли его руку, слегка сжали и отпустили.

Ши Сяо: «...»

Янь-ван... утешал его?

В сердце потеплело. Он с благодарностью взглянул на Янь-вана, но тот отвёл глаза, щёлкнул пальцами, и почти мгновенно за дверью возникли два слуги в чёрном. Они внесли старинный узкий столик, на котором стояла курильница, лежали два ножа и несколько листов жёлтой бумаги с извилистыми магическими символами.

<http://bllate.org/book/16255/1462231>